

На правах рукописи

ШАЛАЕВА Надежда Владимировна

ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗА СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В РОССИЙСКОМ
ОБЩЕСТВЕ В 1917–1920-е гг.: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ

Специальность 24.00.01–Теория и история культуры

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Саратов 2015

Работа выполнена в Федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Саратовский государственный аграрный университет имени Вавилова Н.И.»

Официальные оппоненты:

Суханова Наталья Ивановна

доктор исторических наук, профессор кафедры новейшей истории России
ФГБОУ ВПО «Московский государственный областной университет»

Петухов Валерий Борисович

доктор культурологии, профессор, ФГБОУ ВПО «Ульяновский государственный технический университет», заведующий кафедрой истории и культуры

Серогодский Николай Александрович

доктор исторических наук, профессор, ФГБОУ ВПО Кубанский государственный университет (г. Славянск-на-Кубани), заведующий кафедрой истории и методики ее преподавания

Ведущая организация:

ФГБОУ ВПО «Российский государственный гуманитарный университет», г. Москва

Защита диссертации состоится «27» января 2015 г. в 14.00 часов на заседании диссертационного совета ДМ 212.242.12 при ФГБОУ ВПО «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.» по адресу: 410054, Саратов, ул. Политехническая, 77, Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А., корп. 1, ауд. 319.

С диссертацией можно ознакомиться в научно-технической библиотеке ФГБОУ ВПО «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.» и на сайте www.sstu.ru.

Автореферат разослан «__» ноября 2014 года

Учёный секретарь
диссертационного

совета

Тищенко Наталья Викторовна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. В изучении истории России XX в. в научных кругах было обозначено новое направление – «Власть и общество», в рамках которого исследуется роль власти в судьбах российской – советской цивилизации при изучении ее социокультурного развития.

Любая государственная власть всегда стремится к устойчивости во времени и пространстве, без которой невозможно добиться определенного политического, идеологического, культурного и психологического воздействия на общество, его коллективное сознание, то есть к легитимации, которая была необходима и советской власти, особенно в период ее становления. Условием легитимации явилась необходимость утверждения позитивного образа власти в сознании общества. Факторами усиления данной потребности были способ прихода большевиков к власти в октябре 1917 г. и гражданская война. Советской власти требовались преодоление раскола общества и восстановление его целостности на новой социокультурной основе, что было необходимым условием ее легитимности.

Большевикам пришлось решать одновременно несколько сложных для реализации социокультурных задач. Во-первых, становление новых сценариев власти, призванных отражать не только единство общества и власти, но и торжество революции, воплотившей идеи «свободы, равенства и братства». Во-вторых, необходимо было сформировать новый тип сознания, где процессы идентификации и рефлексии – важная составляющая понятий «советская власть» и «советский народ». В-третьих, требовалось внедрить в сознание общества идею неизбежности победы большевиков в октябре 1917 г., создать новую социокультурную базу для единства общества и власти, доказать преемственность классовой борьбы с целью преодоления социокультурного разрыва исторических эпох. Реализация этих задач требовала обращения посредством культуры к эмоционально-чувственному, иррациональному началу общественного сознания, апеллируя, скорее, к вере, чем к системе рациональных доказательств и суждений.

Уже в самом начале существования советской власти были четко определены задачи реформирования культурных процессов, выражено понимание того, что общество – не столько зритель, которому презентуется сценарий власти, как это сложилось в имперский период, сколько активный участник его формирования, в действиях и сознании которого воспроизводятся и отражаются фундаментальные идеи политического мифа.

Актуальность диссертационного исследования определяется вкладом в дальнейшее развитие проблемы «Власть – общество – культура», в рамках

которого особое место сегодня занимают вопросы образов власти, механизмов их формирования посредством культуры. В своем развитии государство, обладая высшей политической властью, его акторы, выстраивая сценарии власти, всегда стремились различными методами воздействовать на общество, его сознание и психологию. При этом государство ставило специфические задачи, реализация которых нашла отражение в сложном и противоречивом процессе формирования образов власти как составляющей части ее сценариев, выстраивание которых не могло обойтись без активного обращения к культуре в целом. Особая способность культуры воздействовать на сознание и психологию общества, присущие ей образность, красочность и емкость всегда были востребованы носителями власти в целях собственного утверждения.

Актуальность работы в значительной мере определяется ее междисциплинарным характером. Сложный и многообразный комплекс источников, включающий как документы партийно-государственного характера, так и воспоминания и мемуары, письма во власть и памятники культуры, определяет междисциплинарный подход в исследовании. Изучение многогранной проблемы образов власти, механизмов их формирования заставляет обращаться к смежным с историей гуманитарным наукам, таким как философия, историческая и социальная психология, культурология и политология. Интеграционный подход к изучению данной темы позволяет всестороннее изучить и проанализировать поставленные проблемы, что дает возможность повысить степень объективности и непредвзятости исследования ранней советской истории, отказаться от политической заданности и ангажированности.

Степень изученности проблемы. Основные вопросы историографического характера проанализированы в первой главе диссертационного исследования. В данном разделе рассматривается общее состояние историографии по научной проблеме, связанной с формированием образов и сценариев власти в 1917–1920-е гг., их отражением в культуре и восприятием в российском обществе.

В целом можно констатировать, что обозначенная в диссертационном исследовании научная проблема вследствие междисциплинарного и комплексного подхода находится в стадии развития как самостоятельная тема в отечественной историографии. Исходя из полисубъектности (власть – образ власти – культура – общество – общественное мнение) и междисциплинарности научного исследования, необходимо определить проблемы и направления историографии вопроса в рамках обозначенной темы, сохраняя хронологический принцип историографического анализа.

Советская историография, посвященная вопросам культуры и культурного развития в послереволюционное десятилетие, имеет выраженный односторонний идеологический аспект. В советской

исторической науке большое внимание уделялось вопросам политического развития, руководства и управления советской Россией, формированию органов управления культурой, принципов культурного развития. М.В. Лебедева, М.Г. Шульман, С.В. Терещук, Е.В. Александрова, И.М. Сенектутова сохраняют традицию советской исторической школы при рассмотрении ранней истории советского государства, делая акцент на политические аспекты изучения истории 1917–1920-х гг.

Исследователями долгое время не учитывались трудности и особенности принятия решений властью, их реализации и отношение общества к ним, в целом к политике власти, не изучались вопросы социальной истории и неоднозначность восприятия культурных процессов в сознании рабочих и крестьян. Все вместе это не позволяло понять причины изменений политики, реакции общества, осознание обществом и укоренение в его сознании авторитета власти. Культурные рычаги воздействия на общество, особенности исторической психологии и общественного сознания не имели значения в силу экономического детерминизма, присутствовавшего в отечественной исторической науке.

В отечественной историографии конца 1990-х гг., благодаря введению в научное пространство такого сложного комплекса источников как письма во власть, активно развивается интересная и многогранная с точки зрения методологии исследования проблема образов власти и их восприятие на ментальном уровне в российском обществе. Тема образа власти зарождается в европейской историографии во второй половине XX в., заставив исследователей синтезировать методы научных исследований на основе различных гуманитарных наук и формировать особую по сложности методологическую базу и новые направления в изучении истории: историческая психология и история ментальности, общественного мнения и общественных настроений.

Значительной в развитии изучения и анализа образов российской власти явилась фундаментальная работа Р.С. Уортмана «Сценарии власти: миф и церемония в русской монархии» (2004), в которой предложена историко-культурная теория формирования образа власти посредством церемоний, обрядов, символов.

Появившиеся в 2000-е гг. исследования российских историков посвящены вопросам формирования образов власти в рамках теоретико-методологического анализа как на общероссийском, так и на региональном уровнях. Новые методологические подходы представлены в диссертационных исследованиях Г.В. Лобачевой, Т.М. Зуевой, Б.И. Колоницкого и А.Я. Лившина. Региональным аспектам изучения образов власти посвящены работы М.К. Декановой, С.Н. Шаповалова, Е.В. Киселевой.

Предметом исследования является генезис репрезентации образа советской власти в 1917–1920-е гг., его формирование и практики средствами культурного воздействия на сознание российского общества на эмоциональном уровне.

В диссертационном исследовании благодаря междисциплинарному подходу к проблеме изучения выделяются несколько **объектов исследования**: механизмы репрезентации образа советской власти, выраженные посредством пространственных видов искусств (монументальная пропаганда, политический плакат, театр и его разновидность в 1920-е гг. – политический праздник).

Диссертант сознательно отказывается от такого вида визуального искусства в качестве объекта исследования, как киноискусство. Это объясняется в первую очередь тем, что советское кино в исследуемый период находилось в стадии становления и развития.

Целью научного исследования является изучение содержания процесса культурного воздействия, направленного на формирование образа власти в период первого десятилетия советской власти в 1917–1920-х гг. и степени его укорененности в общественном сознании.

Раскрытию и реализации цели исследования служат **следующие задачи**:

1. На основе источникового комплекса выявить методы и приемы культурной практики советской власти, направленной на реализацию репрезентации образа власти в российском обществе.

2. Выявить и проанализировать процесс формирования образа советской власти, его механизмов, а также структурные элементы и средства репрезентации в 1917–1920-е гг. на примере пространственных видов искусства.

3. На основе анализа комплекса источников официального и личного происхождения дать сущностные характеристики содержания репрезентации образа советской власти, представленного в пространственных видах искусства.

4. Проследить и проанализировать трансформацию образа власти и его семантическое значение в политических плакатах революционной эпохи.

5. Дать типологические характеристики театральной практики советской власти, направленной на реализацию репрезентативного образа власти.

6. Проследить роль праздника и праздничной культуры на основе анализа метода «массового действия» как метода репрезентации власти и праздничной тематики, показать его связь с другими видами искусства.

7. Изучить содержание дискурса власти и общества по вопросам культурных преобразований посредством писем во власть как процесс отражения и рефлексии репрезентации.

8. На основе историографической критики и компаративистики провести комплексный анализ образа власти и процесса его персонификации на примере культа вождя.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1917 по 1929 гг. Нижняя временная граница определена переломным 1917 г. и революционными процессами, с ним связанными. Приход к власти большевиков в октябре 1917 г. обусловил необходимость укрепления власти, формирования ее легитимности, что подспудно определило необходимость обращения к культуре и политической мифологии власти.

Верхняя граница исследования определена 1929 г. – годом «большого перелома». Во второй половине 1920-х гг. начинают развиваться процессы, связанные с укреплением позиций советской власти посредством формирования механизма тотального контроля над обществом и культурными процессами. Переломным в политике партии становится июль 1925 г., когда вышла резолюция ЦК ВКП(б) «О политике партии в области художественной литературы», опубликованная в газете «Правда». В 1925–1929 гг. наметилась двойственность в развитии культуры. С одной стороны, четко просматривается линия усиления контроля со стороны власти за культурными процессами в стране, с другой – продолжали сохраняться тенденции развития культурного многообразия, характерные для революционной эпохи и первого десятилетия существования советской власти.

Окончательное утверждение привычных для советского времени форм культурного воздействия на общество посредством официальных праздников происходит только на рубеже 1920–30-х гг., тогда как послереволюционный период – время поиска и отработки этих форм.

Территориальные рамки исследования. Одна из особенностей формирования образа советской власти – утверждение сценария власти в первую очередь в регионах с русскоговорящим населением: в центре России, Поволжье, на Урале, которые определяли ее успех и легитимность. Поэтому исследование выполнено на документальных материалах РСФСР, где доминировало русское население, на которое и ориентировалась власть в проведении культурных мероприятий.

Во-первых, в этих районах наиболее активно развивался диалог в письмах между властью и обществом, на настроения этого населения ориентировалась власть при формировании собственного сценария.

Во-вторых, в центральных районах традиция обращения к власти существовала еще в имперский период российской истории. Этим во многом объясняется развитие тенденции обращения к власти и в советскую эпоху на всех этапах ее существования. Письма русскоговорящего населения данных регионов наиболее полно давали почву власти для рефлексии собственных действий, в том числе и в вопросах развития механизмов культурного воздействия на общество.

В-третьих, в отечественных архивах, где, безусловно, хранятся и письма, поступавшие от представителей разных национальностей и регионов страны, доминирует русскоязычная корреспонденция, что также повлияло на отбор и обработку информации, выбор региона.

Теоретические и методологические основы исследования. В основе методологии диссертационного исследования заложены как традиционные, так и современные методы исторического познания и анализа. Междисциплинарный подход в исследовании темы диссертации позволил соискателю при научном анализе применить методы и подходы исследования как исторической науки, так и ряда гуманитарных наук: культурологии, исторической и культурной антропологии, политологии, социальной психологии.

К традиционным методологическим принципам относятся принципы историзма и объективности, а также ценностный подход к анализу исторической действительности. Сохранение основополагающих принципов в научном исследовании позволяет отказаться от тенденциозности в освещении фактов и рассматривать их в контексте исторической ситуации. Подробный анализ методологической базы нашел свое отражение в первой главе исследования.

Соответствие темы диссертации требованиям Паспорта специальностей ВАК. Исследование выполнено в рамках специальности 24.00.01 – Теория и история культуры. Тема диссертации соответствует п. 18. Культура и общество; п. 24. Культура и коммуникация; п. 29. Культурная политика общества, национальные и региональные аспекты культурной политики; п. 32. Система распространения культурных ценностей и приобщения населения к культуре Паспорта специальностей научных работников ВАК Министерства образования и науки РФ (исторические науки).

Научная новизна исследования:

1. На основе междисциплинарного подхода впервые проведен комплексный анализ различных видов искусства как механизма формирования образа советской власти и его репрезентации в период революции, гражданской войны и нэпа. В комплексе рассмотрены как пространственные виды искусства (монументальная скульптура и политический плакат), так и вербализированные (театр). Особое место в этой структуре отведено празднику, который соединил в себе все элементы, приемы и методы репрезентации. Впервые монументальная скульптура, плакат, театр рассмотрены не как форма репрезентации, что было принято в отечественной историографии, а как ее механизм. Форма представляет оболочку, отражает внешние признаки того или иного культурного явления, вида искусства (жанр). Механизм (система или совокупность чего-либо), реализующий единые цели и задачи, имеет более сложную структуру, выраженную в функциях. Культура как механизм

репрезентации выражает сущностные характеристики воздействия на общественное мнение. Обозначенные виды искусства рассматриваются одновременно и как отдельные механизмы репрезентации с присущими им специфическими методами и средствами, и как составные части единого культурного механизма, направленного на решение общих задач. Не отказываясь от идеологического (агитация и пропаганда) компонента репрезентации власти, автор основное внимание уделяет методам эмоционального и психологического воздействия культурных механизмов на общество.

2. Впервые показано развитие репрезентации советской власти в культурной динамике от момента ее зарождения (1917–1918 гг.) до появления первых признаков консервации найденных в послереволюционное десятилетие форм (вторая половина 1920-х гг.). Выявлена сложность и противоречивость культурных процессов, направленных на формирование и укрепление репрезентации власти. Показаны неоднозначность принимаемых решений, трудности и кризисы их реализации, выявлена роль субъективных факторов в реализации задач власти.

3. В диссертации на основе комплексного исследования и широкой источниковой базы показан процесс мифологизации образа власти средствами культурных практик. Рассматриваемые виды искусства, а также театр и праздник, синкретизм которых позволил наиболее ярко воплотить идеи власти, даны как средство воздействия на сознание общества. Одновременно они выступали как механизм формирования мифов о светлом будущем, о необходимости революционной борьбы, в ходе которой рождается новый мир, о силе и мощи советского государства, о единстве пролетариата и рабочего класса, о международном интернационале и т.д.

4. Диссертант отказался от прямолинейной трактовки персонификации образа власти как процесса формирования культуры личности. В отличие от работ зарубежных авторов, изучавших образ власти, в настоящем исследовании обозначена проблема процесса персонификации образа власти. Выявлены этапы его эволюции и, что наиболее важно, его отражение в сознании общества. Динамика персонификации образа власти рассматривается в совокупности политических и культурных процессов в советском обществе 1920-х гг., противоречивости их восприятия в сознании рабочих и крестьян.

5. При изучении сложного, многогранного и противоречивого первого десятилетия существования советской власти акцент в исследовании делается не на идеологический компонент культурной политики, а на изучение механизмов и способов привлечения культуры для решения задач власти. Политические процессы, управление обществом

впервые показаны в контексте развития культурных механизмов воздействия на него.

6. Проведен анализ культурных процессов на основе междисциплинарного подхода. Диссертант использует письма во власть как дискурсивный механизм рефлексии власти и общества. В отличие от сложившейся в отечественной историографии тенденции изучения политических настроений граждан, в диссертации применен метод фрагментирования при изучении писем во власть, проведен анализ общественных настроений и мнений по вопросам репрезентации образа власти и рефлексии посредством культурных механизмов, а не политико-экономических решений.

7. В настоящем исследовании применяются междисциплинарные методы исследования при изучении проблем репрезентации власти на примере становления советской истории и культуры. Это позволило выявить общие принципы существования и легитимации советской власти как социокультурного: единство триады «власть – общество – коммунизм» и надэтнический культурно-политический монизм.

Процесс формирования образа власти и его персонификация рассмотрены с позиции исторической психологии, учтены объективные и субъективные факторы воздействия власти на общество.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Власть большевиков, возникшая в России в результате сложного социокультурного раскола общества, стремилась, как и любая другая власть, к укреплению своего положения и созданию собственной легитимности посредством обращения к культуре, формирования сценариев развития страны, общества в целом, новой идентичности, выраженной в понятии «советский народ».

2. Укрепление позиций власти требовало ее репрезентации, то есть представления сценариев и образа власти в празднике, монументальной скульптуре, изобразительном искусстве и т.д., содержащих символы и знаки, призванные донести до сознания общества политико-идеологические задачи власти. Сценарий советской власти изначально имел характер диалога. С этой целью власть большевиков, используя собственную систему символов и знаков, создавая культурные коды-символы как визуального (плакат, живопись, архитектура, театр), так и вербального характера (текст), конструируя политическую мифологию, стремилась к формированию собственного позитивного образа.

3. В процессе реформирования нового культурного пространства советского города и деревни в начале 1920-х гг. выделяются две тенденции. Первая была связана со стремлением в кратчайшие сроки создать пролетарскую культуру, которая была призвана способствовать формированию советского человека. Вторая – со сложностью реализации задачи построения новой культуры в силу особенностей политической

ситуации – гражданская война, ее экономические последствия и своеобразие ментального характера.

4. Низкий уровень грамотности населения не давал возможности широкого использования литературы, что способствовало развитию устной и визуальной культуры. Активное применение устного слова на митингах как формы коммуникации и репрезентации идей власти также носило достаточно ограниченный характер. Массовые политические мероприятия не способны были охватить все население страны одновременно, особенно деревню, которая далеко не однозначно была настроена в отношении большевиков. Эти проблемы заставили власть развивать в большей степени визуальные образы и достаточно быстро перейти к формированию социокультурного пространства, в котором нашли бы свое отражение задачи и идеи власти. Особая роль здесь отводилась монументальной скульптуре, плакату, театру, массовым праздникам.

5. В целях воспитания советского человека искусство играло роль визуальной истории подобно фресковой живописи, соединяя в сознании человека разные исторические эпохи, связанные с классовой борьбой, подводя его к пониманию единства этих событий с фактом возникновения советского государства. Изобразительное искусство, имеющее образно-эмоциональное воздействие на зрителя, сформировало чувство исторической преемственности и событийной сопричастности революционным событиям. Визуальное пластическое искусство выполняло компенсаторную функцию в сознании общества, а впоследствии способствовало становлению советской идентичности. Для реализации восприятия власти на эмоциональном уровне как отражения унифицированного сознания и воспитания чувства сопричастности к политическим и культурным процессам были необходимы:

- развитие самодеятельного творчества народных масс как механизма формирования эмоционального приобщения и сопричастности на индивидуальном уровне при помощи создания нового культурного механизма – массового праздника и его форм;
- строительство центров культуры в каждом городе как сосредоточия новой идеологии, развитие новых принципов градостроительной архитектуры;
- формирование особого социокультурного пространства, культурно-исторического хронотопа посредством пространственных, пластических видов искусства – монументальной скульптуры, театра, политического плаката.

6. В самом начале существования советской власти были четко определены задачи реформирования культурных процессов, выражено понимание того, что рабочие и крестьяне – не столько зрители, которым презентуется сценарий власти, сколько активные участники формирования нового общества, в действиях и сознании которых воспроизводятся и

отражаются фундаментальные идеи политического мифа. В попытках зафиксировать портрет времени прослеживается стремление преодолеть социокультурный разрыв между прошлым и настоящим, благодаря чему и создавалась иллюзия исторического единства эпох, где рабочий и крестьянин являются преемниками революционных традиций и «великого боевого прошлого» в рамках новой социокультурной конструкции.

7. Если в имперский период русской истории высшим персонификатором власти являлся монарх, то советская власть первоначально позиционировала себя как рабоче-крестьянская власть, что отрицало наличие единого лидера государства. Ввиду этого власть приобрела несколько размытые черты и была представлена в визуальной культуре, в том числе в монументальной скульптуре и политическом плакате, в обобщающем героическом образе рабочего, красноармейца, крестьянина. В традиционном сознании рабочего и особенно крестьянина власть всегда была представлена конкретным человеком, что привело к процессу персонификации образа власти первоначально в понятии «вожди», а в дальнейшем – в образе В.И. Ленина, создав предпосылки формирования культа вождя.

Достоверность и обоснованность результатов исследования определяются теоретическими положениями, комплексным использованием исследовательских подходов, корректным применением методов смежных с историей гуманитарных наук – исторической психологии и антропологии, политологии, культурологии и т.д. Диссертационное исследование полностью самостоятельно. Результаты, интерпретации проведенных исследований соотнесены с данными других исследований, выполненных отечественными и зарубежными авторами. Достоверность полученных результатов подтверждается широкой апробацией промежуточных результатов исследования на международных и всероссийских научно-практических конференциях.

Теоретическая значимость исследования заключается в изучении на основе современных методов и подходов воздействия культурных механизмов на сознание общества в процессе формирования образа власти как условия легитимации. Отказ в диссертации от традиционного для отечественной истории подхода к рассмотрению культурного развития советского общества через призму изучения государственных институтов и мероприятий, политической воли власти позволяет проследить восприятие культурных процессов в ходе дискурса между властью и обществом, выявить специфику становления образа советской власти в контексте социальной и культурной истории.

Данное диссертационное исследование характеризуется междисциплинарным подходом и содержанием, что позволяет изучить степень воздействия формирования и отражения образа советской власти в общественном сознании. Дискурс по линии власть – культура – образ –

общество позволил автору использовать подходы и методы исследования смежных с историей гуманитарных наук – политологии, социальной психологии, культурологии, исторической антропологии. Интеграция методов и подходов в научном исследовании позволяет более объективно и социально-ориентированно изучить сложность и неоднозначность становления советской власти и ее образов в условиях исторического слома через призму культурных процессов.

Практическое значение результатов исследования заключается в том, что эмпирический материал диссертационного исследования и сделанные в нем выводы позволяют расширить рамки проблемы общественного сознания и его выражение в настроениях и мнениях в кризисные периоды отечественной истории. Концептуальный подход, сформированный и сформулированный автором, позволяет использовать полученные результаты исследования в дальнейшем при изучении социальной истории советского общества и применить их в практической плоскости: преподавании учебных и специальных дисциплин, подготовке образовательных программ, написании учебно-методической литературы.

Апробация работы. Диссертация подготовлена, обсуждена и рекомендована к защите на кафедре «Социально-гуманитарные науки» ФРБОУ ВПО «Саратовский ГАУ им. Н.И. Вавилова». Основные положения и выводы работы были представлены на международных и всероссийских конференциях Москвы, Санкт-Петербурга, Коломны, Тамбова, Краснодара, Омска. Саратова и других городов РФ. В 2014 г. монография «Формирование образа советской власти в культурных практиках. 1917-92-е гг.» стала лауреатом Всероссийского конкурса на лучшую научную книгу.

Основные положения диссертации изложены в 47 публикациях в журналах, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ, реферативных сборниках и 3 монографиях общим объемом 42 п. л.

Структура диссертации соответствует целям и задачам исследования. Работа состоит из введения, шести глав, заключения, приложений, списка источников и литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обоснована актуальность и научное значение темы; сформулированы цели и задачи исследования и определен его предмет; показаны новизна, теоретическая и практическая значимость работы, охарактеризована ее методологическая основа.

В первой главе «Теоретические, историографические и источниковедческие основы исследования» проанализированы теоретические положения исследования, рассмотрены междисциплинарные научные концепции и подходы в историческом знании; выделен терминологический инструментарий, дана характеристика историографии, в

основе которой положен проблемно-хронологический принцип; систематизированы группы источников и проведен их анализ.

В современном гуманитарном знании, исследующем взаимодействие культуры и власти, особое место занимает британская школа «cultural studies» (С. Холл, О. Марчарта, К. Баркер, А. Усманова, М. Тлостанова, В. Куренной). В ее рамках изучается влияние власти посредством культуры на формирование социокультурной среды, укоренение в сознании человека и общества в целом определенных ценностных ориентиров, на поведенческие практики человека. В контексте «cultural studies» культура – не отстраненное, нейтральное, вне политики и политических процессов социальное явление. «Она продуцирует и репродуцирует политические и социальные идентичности...».¹ Культура не может изучаться без учета социальных, экономических и политических процессов. Власть использует способность культуры воздействовать на сознание общества, создавая с ее помощью новые поведенческие практики, высшим выражением которых является формирование образов власти.

Особое значение в историческом познании придается социокультурному подходу, благодаря которому культурные процессы стали рассматриваться как совокупность информации, хранящей и фиксирующей поведенческую мотивацию общества в целом, власти или конкретного человека. А.С. Ахиезер в работе «Россия: критика исторического опыта (социокультурная динамика России)» (М., 1997) рассматривает исторический процесс как совокупность культурных и социальных отношений. Культура – уникальная сфера исторической реальности, в которой живет и действует человек, становится одним из незаменимых механизмов формирования социальной программы для советского человека. Посредством культурного воздействия человек и общество в целом усваивают программу социального поведения.

В диссертации использовались концепции исторической антропологии и исторической психологии, разработанные в зарубежной и отечественной историографии (М. Блок, Л. Февр, А.Я. Гуревич, Л.Б. Борисовская, И.Ю. Николаева и др.). Применение научных методов исторической и культурной антропологии позволяет выявить направленность культурных преобразований советской власти, отказаться от схематизма в исследовании истории 1920-х гг., где то или иное направление внутренней политики власти существует вне общества, что не позволяет выявить жизнеспособность самой политики.

Синергетический подход позволяет рассмотреть направленность потоков общественного мнения, динамику изменений в настроениях граждан советской России. В условиях постреволюционного времени общество волновали проблемы, связанные, в первую очередь, с

¹Куренной В. Исследовательская и политическая программа культурных исследований // Логос. 2012. №1. С. 18.

физическим выживанием. На основании писем во власть как одного их наиболее многочисленных источников можно выделить совокупность настроений таких крупных социальных групп как рабочие и крестьяне по вопросам культурной политики и практики советской власти.

В диссертационном исследовании нашли отражение такие методы исследования как историко-типологические и историко-системные, позволившие выявить наиболее типичные характеристики сценария и образов власти, предложенных большевиками российскому обществу, а также систематизировать комплекс культурных мероприятий по реализации задач власти. Исторический подход дает возможность исследовать культурные процессы, направленные на формирование в обществе позитивного образа власти в условиях конкретной исторической ситуации.

Метод компаративистики, применение которого позволяет проводить сравнительный анализ источников, способствует выявлению проблем в диалоге власть–общество по вопросам сценария власти и ее образов.

На рубеже 1990–2000-х гг. в научном лексиконе благодаря Р.С. Уортману, исследовавшему императорский дом Романовых, утверждаются понятия «сценарий власти», «образы власти». Термин «сценарий власти» Р.С. Уортман трактует как его презентацию, представляющую собой совокупность церемоний и ритуалов, основанных на политическом мифе.

«Образ власти» – конечная цель и результат деятельности власти при создании и реализации собственных сценариев. Говоря языком культуры, это форма объяснения, воспроизведения и отражения представлений о власти в массовом и индивидуальном сознании общества, сформированные на чувственно-эмоциональном уровне.

В отличие от самодержавной власти советская власть конструировала собственные образы одновременно с утверждением политических сценариев. Большевики, не имея собственного культурного опыта, интуитивно перенимают механизм воздействия уже существовавшей модели власти и политического театра. Манифесты заменяются декретами как проявление групповой презентации власти рабочих и крестьян. Символика коронации меняется на символику манифестаций и пролетарских праздников. Основной задачей политического театра становится не подчеркивание дистанции по линии власть – общество, а формирование их единства, синкретичности: власть–партия–народ как целостное явление. В политическом ритуале посредством культуры и культурных механизмов, их способности воздействовать на общество формируется советская мифология, которая в своей основе имеет способы конструкции власти: светлого будущего,

победы пролетариата, мировой революции, пролетариата – революционного авангарда общества и т.д.

Изучение политики советской власти сквозь призму культуры заставляет обратиться к общественному мнению. Любая политика не существует сама по себе, а направлена на укоренение ее идей и действий в обществе, на их совпадение с мыслями и идеями простых людей, что особенно характерно для утверждения образов власти.

Изучение общественного мнения связано непосредственно с понятиями «ментальность» и «менталитет», «общественное сознание и «общественные настроения». Для школы «Анналов» ментальность – результат собирания элементов внутреннего мира человека, его чувств, убеждений, верований, установок, моделей и стереотипов поведения, настроений, которые объединяли носителей этого менталитета в некую общность (М. Блок, Л. Февр). А.Я.Гуревич, Д.В. Ольшанский, М.С. Кагани другие исследовали природу и сущность менталитета как эмоционально окрашенной определенной устойчивости взглядов на мир, представлений, образа мыслей, ценностей, выраженных в миропонимании и позволяющих индивиду идентифицировать себя в обществе. Менталитет – неосознанное выражение не столько индивидуального, сколько общественного (массового), хотя имеет индивидуальные формы выражения, формирует социальную среду и влияет на практику, поведение и поступки индивида в обществе.

Общественное сознание – «совокупность существующих в обществе идей, теорий, взглядов, чувств, настроений, привычек, традиций, отражающих общественное бытие людей, условия их жизни». ²П.П. Марченя обращает внимание на то, что для представителей различных групп в период социальных потрясений характерны типичность и единство переживаний. ³

Особого внимания требует рассмотрение понятие «репрезентация», которое в отличие от презентации (представление) является системой знаковых моделей представления образа идеальных объектов, их свойств, отношений и процессов. Применительно к ментальности репрезентация относится к процессу представления (репрезентации) мира в сознании человека, к единице подобного представления, стоящей вместо чего-то в реальном или вымышленном мире и потому замещающей это что-то в мыслительных процессах.

Проблему репрезентации как предмета научного познания исследовали Г.Г. Гадамер, М. Вартофской, П. Рикер, Ф. Анкерсмит. М.Б. Ямпольский рассматривает репрезентацию в рамках исторической трансформации представлений о власти, которая приводила к замене

² Андрейченко Г.В., Грачева В.Д. Философия. Ставрополь, 2001. С. 136.

³Марченя П.П. Изучение массового сознания революционной эпохи 1917 г. в отечественной исторической науке // Вестник РГГУ. 2009. № 17. С. 215.

физического присутствия тела неким образом, изображением. Репрезентацию он трактует как коммуникативную конструкцию, обладающую собственной структурой.⁵

В 1920-е гг. процесс репрезентации власти был тесно связан с механизмами формирования советской мифологии, для утверждения которой в российском обществе необходимо было видимое упрощение, вплоть до символизации громоздких теоретических умозаключений. В культуре происходил процесс создания и активного использования символов-знаков, символов-идей, символов-талисманов, символов-городов.

В основе **историографии** заложен проблемно-хронологический принцип, требующий выделения не всей историографической базы, а только той научной литературы и исследований, в которых рассматривались актуальные для диссертации проблемы.

Во-первых, проблема власти как одна из центральных проблем историософии, собственно истории и политологии, активно исследовавшаяся на теоретическом и практическом уровне еще в досоветской историографии.

Во-вторых, настоящее исследование предполагает анализ культурных механизмов воздействия, способствующих формированию позитивного образа власти в массовом сознании общества.

В-третьих, проблема общественных настроений как реакция общества на мероприятия власти, в том числе и в области культуры. Это требует рассмотрения фундаментальных работ, посвященных изучению таких крупных социальных слоев общества как рабочие и, особенно, крестьянство.

На рубеже XX–XXI вв. началось активное изучение феномена власти в работах Н. Бердяева, П. Флоренского, С. Франка, И. Ильина. Анализ их работ позволил выделить несколько направлений в изучении природы и сути власти. Первое направление связано с разработкой общетеоретических вопросов (генезис власти, ее эволюция, характерные черты и т. д.). Второе – изучение проблем государственной власти, ее проявления в различные исторические эпохи. Третье – выявление проблем восприятия и отношения к советской власти.

Новый этап научного интереса к проблеме власти приходится на рубеж 1980–1990-х гг. В отличие от советской историографии современные историки обращаются к различным аспектам изучения власти. Так, например, А.А. Котенев и А.Е. Лукьянов, рассматривая проблему архетипов власти, исследуют образы конкретных носителей власти.⁶ Власть как метафизическая и историческая реальность

⁵Ямпольский М. Физиология символического. Возвращение Левиафана: Политическая теология, репрезентация власти и конец Старого режима. М., 2004.

⁶Котенев А.А. Лукьянов А.Е. Архетипы власти. М., 2000.

проанализирована в работе П.А. Сапронова. Делая акцент на «личностное измерение власти», автор рассматривает проблему власти русских монархов и говорит об отсутствии ее «монолитной целостности».⁷

Вопросам генезиса власти большевиков и причинам их победы в 1917 г. посвящены работы зарубежных исследователей А.Б. Улама, Р. Пайпса, А.Рабиновича. А.Б.Улам связывает причины побед большевиков с именем вождя РСДРП(б) и революции В.И. Лениным, чья деятельность, по его мнению, оказала решительное и решающее воздействие на ход революционных событий 1917г. Р. Пайпс рассматривает события 1917 г. как исторический процесс, где каждый из представителей политических сил сыграл определенную роль, не связывая весь ход событий с действиями только В.И. Ленина.⁸

Благодаря исследованиям Б. Энкера, Н. Тумаркин, Э.К. Данкосс, Ш. Плаггенборга в отечественной историографии формируются новые направления изучения взаимоотношений власти и культуры. Исследуя образы власти, Б.И. Колоницкий рассматривает политическую культуру России периода революционных процессов 1917 г.

Заметным явлением в изучении советского политического мифа стала книга «Мифы и мифология в современной России» как результат коллективной работы отечественных и зарубежных историков, в которой поднят проблема легитимации власти и ее оснований в истории России

С. Дэвис ввела в научный оборот термин «народное мнение», которым обозначала общественное настроение.⁹ В современной историографии большое внимание уделялось изучению общественных настроений именно крестьянства. В западной историографии эта проблема была развита в работах Ш. Фицпатрик¹⁰, А. Рабиновича, Р. Стайса.

А.Я. Лившин в диссертационном исследовании «Общественные настроения в Советской России. 1917–1927 гг.» (М., 2004) на богатом архивном материале (письма во власть) рассматривает вопросы легитимации советской власти, их восприятие в общественном сознании, выражение в политических настроениях населения.

Одной из последних работ, посвященных вопросам общественного сознания и восприятия власти, написанных на стыке исторической антропологии и социальной истории, монография В.П.Булдакова, в которой нэп исследуется как пролог сталинской эпохи.¹¹ Автор на примере писем И.В. Сталину рассматривает процесс перерождения

⁷ Сапронов П.А. Власть как метафизическая и историческая реальность. СПб., 2001.

⁸ Пайпс Р. Русская революция. Большевики в борьбе за власть. 1918-1924. Кн. 2. С. 139.

⁹ Popular Opinion in Stalin's Russia. Terror, Propaganda and Dissent, 1934-1941. (Cambridge: Cambridge University Press, 1997)

¹⁰ Russia in the Era NEP: Explorations in Soviet Society and Culture / Ed by Sheila Fitzpatrick, Alexander Rabinowitch, and Richard Stites. Bloomington and Indianapolis, 1991.

¹¹ Булдаков В.П. Утопия, агрессия, власть. Психосоциальная динамика постреволюционного времени России. 1920-1930 гг. М., 2012.

«революционной утопии в утопию власти». При этом рисуется картина депрессивного состояния общества, причиной которой стали послереволюционные метания и эксперименты большевиков.

Большую роль в развитии социокультурного подхода сыграла работа Ш. Плаггенборга, в которой, анализируя культурные символы и практику, особое внимание уделяет влиянию культурных процессов на формирование представлений о власти в сознании советского человека.¹²

Появляются интересные работы отечественных исследователей, посвященные анализу визуальной и вербальной составляющих отечественной культуры революционной эпохи. В работах В. Базаровой, А. Глотова, М. Левченко, М., Николаевой, А. Петровой, Ю. Подлубновой, С. Шешуновой рассматриваются семиотические конструкции в литературе, политическом плакате и монументальной пропаганде.

Для понимания проблем репрезентации власти большую роль сыграла работа М. Рольфа «Советские массовые праздники». Автор исследует массовые праздники и становление советского праздничного календаря, благодаря которым формировались советские культурные и идеологические стандарты.

В работах Е. Барышевой¹³ становление праздничной культуры рассматривается как механизм коммуникации власти и общества и одновременно как способ легитимации власти. Культура рассматривается как инструмент для придания идеологическим основам советской власти политического смысла, доступного сознанию масс.

Для большинства научных исследований при анализе социокультурных задач советской власти в решении вопросов легитимации и репрезентации характерно подчинение культурных процессов политическим задачам. Выделяются работы, посвященные отдельным вопросам политико-культурной практики или социальным вопросам советской истории, или, наоборот, рассматриваются аспекты только искусствоведческого характера.

В отечественной историографии отсутствуют работы, в которых сложные социополитические и социокультурные процессы рассматривались бы в единстве действий, где культура и политика выступали как сложные взаимосвязанные механизмы, от работы которых зависели успех власти, формирование ее образов в сознании общества.

Источниковая база представлена широким кругом архивных и опубликованных источников официального характера и личного происхождения. В исследовании использованы материалы пяти ведущих

¹²Плаггенборг Ш. Революция и культура. Культурные ориентиры в период между Октябрьской революцией и эпохой сталинизма. СПб., 2000. С. 31-32.

¹³Барышева Е.В. Метафора диктатуры пролетариата в политических коммуникациях 1917-1920-х годов // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Сер. Политология. Социально-коммуникативные науки. 2007. № 1. С. 204-218 и др.

архивов Российской Федерации (Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ); Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ); Российский государственный архив экономики (РГАЭ); Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ); Российский государственный исторический архив СПб (РГИА), Центральный государственный архив литературы и искусства СПб (ЦГАЛИ)).

В первую группу источников входят фонды СНК, ВЦИК, НКВД и НКП, позволяющие выявить хронологическую последовательность принятия решений, проследить репрезентативные задачи власти; проанализировать реакцию власти на критические высказывания с мест.

Изучение документов из фондов государственных и партийных деятелей дают возможность выявить концепции развития культуры, позиции и точки зрения участников событий 1917-1929 гг., помогают найти внутренние связи культурных процессов, дать им объяснения, выявить степень влияния субъективного фактора на принятие решений и их воплощение.

Второй блок источников – советская пресса, которую можно разделить на группы.

- Журналы, ориентированные на рабочих, крестьян или красноармейцев (Жернов; Искусство трудящимся; Карусель. Журнал юмора, сатиры и литературы; Красноармейская эстрада). На их страницах с середины 1920-х гг. начинает формироваться персонифицированный образ власти, связанный с формированием культа В.И. Ленина.

- Журналы, инициированные властью с целью формирования методологической базы культуры, художественного и литературного творчества (Искусство; Литература и искусство; Литература и марксизм).

- Журналы, отражающие интересы, эстетические концепции и позиции различных литературных объединений, существовавших в 1920-е гг. (Пролеткульт; Красная новь; Кузница; Леф; Новый Леф).

- *Третья группа источников* – документы организаций Наркомпроса – Главполитпросвет, Главискусство, а также Центральный дом народного творчества им. Н.К. Крупской, Общества строителей «Международного красного стадиона», РОСТА, Союза деятелей искусства, Пролеткульта, организации театральных объединений, подконтрольных государству. Интерес к этим источникам вызван активным участием различных организаций в реализации задач власти.

- *Четвертую группу источников* представляют архивные и опубликованные документы личного происхождения, к которым относятся письма рабочих и крестьян во власть, являющиеся выражением общественного мнения. Также к этой группе источников относятся воспоминания, мемуары и дневниковые записи деятелей культуры.

Изучение настроений и общественного мнения по письмам рабочих и крестьян позволяет выявить степень признания советской власти, принятие ее мероприятий, выраженное в участии в них. Наибольшее количество писем сосредоточено в фондах издательств «Крестьянская газета», «Рабочая газета», а также в фондах В.И. Ленина, А.В. Луначарского, М.И.Калинина.

Изучение и анализ писем во власть в рамках обозначенной научной проблемы имеют ряд сложностей. Во-первых, специфика картины мира корреспондента, его образа мыслей, способ и манера их выражения.

Во-вторых, это сам автор письма, как носитель сознания–селькоры, крестьянская беднота, малограмотные рабочие. Одни стремились продемонстрировать власти свою лояльность «революционную, классовую чуткость», другие рассуждали о жизни, высказывали собственные взгляды на действия власти.

В-третьих, сюжеты дискурса – жизненно важные проблемы: о войне, налогах, межевании, об экономических политиках (военном коммунизме и нэпе). Сюжеты, связанные с культурными мероприятиями власти, не были важными для всех корреспондентов. Как правило, об искусстве, скульптуре, театре или праздниках говорилось вскользь, авторы высказывались по ходу своих рассуждений, иногда приводя как какой-либо пример в подтверждение другим своим мыслям.

Отечественные и зарубежные исследователи обращаются к письмам во власть как к особому типу исторического источника. В.В. Кабанов выделил три основные группы писем по адресатам: в печатные органы власти, в государственные учреждения и письма, обращенные к видным государственным деятелям.¹⁴ При обработке писем Д.Х. Ибрагимова, Т.П. Миронова, В.М. Селунская активно используют метод контент-анализа. Л.Сигелбаум и А. Соколов в основу классификации писем взяли критерий рассказанных историй, выделяя «хорошие истории». А.Я. Лившин предлагает классифицировать письма на основе принципа репрезентативности их судьбы.

В диссертационном исследовании в качестве критерия репрезентации выбрано отношение к власти, выделенное через призму культурных мероприятий, проводимых большевиками. Диссертант не отказывается от принципов отбора источников, предложенных предшественниками. В тоже время особое значение для исследования представляют письма, отложенные в «архив» издательств, т.к. они содержали далеко не всегда удобные для власти мысли и суждения, свидетельствовавшие о сложности, противоречивости процесса формирования образа власти.

¹⁴Кабанов В.В. Источниковедение истории советского общества: курс лекций. М. 1997. С. 226-228.

Еще одной группой документов личного происхождения стали материалы фонда В.И. Ленина – воспоминания рядовых граждан, участников событий революции и гражданской войны. Сложность работы с этой группой источников была связана со временем их формирования – в период подготовки празднования 90-летия и 100-летия со дня рождения В.И. Ленина, основная масса документов датируется 1960–1970 гг. и только малая их часть поступили в архив в конце 1920–1930-х гг.

Еще одна группа источников личного происхождения представляет дневники, воспоминания и мемуары деятелей культуры советской эпохи, которые содержат ценный материал, связанный с воспроизведением или отражением общественных настроений, элементов истории повседневности, несут личностную окраску и характеристику отношения к культурным нововведениям власти.

Пятый блок источников – памятники культуры, под которыми понимаются памятники как визуальных видов искусства (архитектура, скульптура, политический плакат, киноискусство), так и вербальных (художественная литература и драматургия).

Во второй главе – «Формирование образа советской власти в социокультурном пространстве города» – рассмотрен процесс репрезентации и корреляции образа власти в монументальной скульптуре, градостроительстве и политическом плакате 1920-х гг.

На основе анализа большого круга источников по вопросам становления монументальной пропаганды как механизма формирования образа власти автор пришел к выводу: А.В.Луначарским в историографии был создан миф о спонтанности возникновения плана монументальной пропаганды. В действительности эта идея в условиях нарастающей гражданской войны была неожиданной и случайной только для членов СНК. В.И. Ленин в течение февраля-марта 1918 г. вынашивал этот план, встречаясь и советуясь с архитекторами и скульпторами, выслушивая их мнение.

Обращение к монументальному искусству связано с его компенсаторной способностью, призванной установить духовную связь между разными историческими эпохами на основе идеи классовой борьбы, организовать социокультурное пространство, вызывать позитивные эмоции у прохожих. Монумент должен был стать связующим звеном между властью и обществом, донося до людей политические идеи, формируя ее репрезентативный образ.

Ленинский план, имея общие очертания, не был подготовлен и технически продуман, формировался и корректировался в процессе реализации. Но личная заинтересованность и настойчивость В.И. Ленина позволили начать его воплощать в жизнь уже в 1918 г. Эмоциональная основа плана, ленинское нетерпение, отсутствие материальной базы и

четких механизмов руководства и реализации, нестабильность власти создавали трудности при воплощении его в жизнь.

Становление плана монументальной пропаганды проходило в два этапа: первый – апрель-июль 1918 г., когда была озвучена сама идея и началась его разработка; второй этап – август 1918 г. – 1920 г., когда был выработан список лиц, кому должны были быть установлены памятники на улицах российских городов.

План до 1921 г. предполагал его реализацию только в городах, в основном в Москве и Петрограде, т.к. требовал больших финансовых средств. Агитационно-властный и эмоциональный эффект от плана был направлен исключительно на рабочий класс. Другими осложняющими факторами в провинции были отсутствие стабильности положения советской власти и гражданская война. Несмотря на активную пропаганду и агитацию советской власти в деревне на протяжении 1920-х гг. посредством политики и прямого воздействия в форме митингов, праздников и т.д., идея постановки памятников не вызывала активного интереса в обществе.

Механизмом реализации плана стали скульптурно-архитектурные конкурсы, которые объявлял ИЗО Наркомпроса. Победителя должны были выявлять путем плебисцита. Вскоре была создана специальная комиссия во главе с А.В. Луначарским. Фактически решающее слово в распределении конкурсных мест принадлежало В.И. Ленину. Реализация плана шла с большим трудом, формы художественной выразительности часто были неудачными и неоднозначно воспринимались городским населением. Эмоциональный спектр реакции общества на неудачные памятники был от недоумения до открытого сарказма и раздражения.

В 1921 г. Наркомпрос объявил о формировании политики в области искусства. План монументальной пропаганды стал приобретать черты системности, затронув не только скульптуру, но и основы градостроительных принципов. Изменения внешней жизни – признак эпохи перемен, периода революционных потрясений и гражданской войны. Власть ставила перед обществом сложную задачу внутреннего перерождения городского пространства. Принцип свободы и равенства должен был отразить дух нового архитектурного облика, где монументальная пропаганда – часть города будущего. В новых архитектурных формах монументы должны были выразить идеи власти, обращенные к обществу. Основными формами реализации плана стали обелиски и стелы, мемориальные доски, триумфальные арки и скульптуры, которые из-за отсутствия денежных средств были чаще всего поясными или бюстами.

С целью визуализации советского сценария власти, базирующегося на политическом мифе и воплощенного в образах, необходимо было провести мобилизацию плакатного искусства. Революционная символика и новый мир, конструируемый советской властью, не всегда были понятны рабочим

или крестьянам, которых волновали проблемы выживания. Власть посредством культуры стремилась донести до сознания людей идеи мировой революции и пролетарского государства понятным и образным языком.

Обращение к плакату было связано с материальными проблемами не только по выпуску газет, но и по их доставке на места, что стало одной из причин замены печатного слова визуальными средствами. В плакате изображение, сопровождаемое коротким текстом – лозунгом, быстро и легко запоминалось. Как визуальная газета, плакат в яркой и эмоциональной форме рассказывал о событиях дня. Он стал составляющей частью городского пространства.

Политические плакаты эпохи гражданской войны по классификации Ш. Плаггенборга делятся на «антивражеские и триумфальные».²⁰ Можно выделить типичные образы героев триумфального плаката: рабочий-воин, рабочий-защитник, рабочий-победитель. Для антивражеских плакатов были характерны образы врага в виде буржуа с признаками государственной (американский, британский или французский флаги) или социальной принадлежности – помещик, фабрикант, священник.

В советском политическом плакате периода гражданской войны выделяются две центральные темы – тема борьбы и тема рождения нового мира, которые приобрели смысловую символику истока советской истории. Крушение старого буржуазного мира в революционной борьбе – необходимое и неизбежное условие перехода из мира зла через хаос (гражданскую войну и экономическую разруху) к миру светлого будущего.

В политическом плакате прослеживается обращение к культурным архетипам русского человека в форме сказки («Борьба красного рыцаря с темной силою». 1918 г.) и использование религиозных приемов («Троцкий добывает контрреволюцию». 1918 г.). Власть стремилась донести до народа идеи понятным и традиционным языком. Использование былинно-религиозной символики и стилистики в плакате только подчеркивало близость к народу советской власти.

Смена плакатного образа происходит параллельно утихающей гражданской войне и необходимостью перехода к решению проблем мирной жизни. В период нэпа появились новые плакатные образы: рабочего – строителя коммунизма, эмансипированной женщины, освобожденных жителей Востока и т.д. На смену политическому революционному плакату пришел плакат-реклама.

После гражданской войны появляется новый плакатный герой, точнее героиня – женщина, представленная в двух основных разновидностях: эмансипированная женщина-труженица (работница) и крестьянка. Плакаты, обращенные к женщине, несли в себе сильный акцент идеологического

²⁰Плаггенборг Ш. Революция и культура. Культурные ориентиры в период между Октябрьской революцией и эпохой сталинизма. СПб., 2000. С. 191-192.

воспитания темной, неграмотной, освободившейся от оков предрассудков женщины. Лозунги на плакатах призывали женщин идти учиться, активно участвовать в строительстве новой жизни.

Во второй половине 1920-х гг. четко просматриваются две тенденции развития плакатного искусства. Первая – связана с прагматическим подходом к плакату как средству рекламы, в том числе и советского товара. Вторая – сохраняет традицию политического плаката революционных лет, связанную с распространением идей советской власти, эмоциональным воздействием на сознание простого человека, формируя общественное мнение. При смене тематики и стилистики плаката произошел отказ от условно-графического рисунка и утверждение героико-обобщенного образа рабочего и крестьянина.

В третьей главе – «Народный театр – хронотоп формирования образа власти» анализируются вопросы театральной культуры и театра как проводника репрезентативных идей советской власти. Театр, как и другие виды визуального искусства, был призван решать аналогичные социокультурные задачи, только своими специфическими средствами.

Значение театра, его роль в реализации задач власти были быстро осознаны в правительстве и различных творческих организациях. В.И. Ленин, А.В. Луначарский, А.А. Богданов, М.П. Керженцев, П.П. Гайдебуров, А.И. Пиотровский активно высказывались о театре как «форме познания мира ..., способе внушения известных чувств и настроений»²², как орудии просветительской работы и т.д. В послереволюционный период народный (массовый, революционный) театр был связан не столько с театральной игрой, посредством которой проходили и просвещение, и развитие определенного эстетического уровня зрителей, сколько с «социальной игрой», благодаря которой активизировался статусный момент. Театр становился одним из механизмов социальной и политической коммуникации власти и общества на эмоциональном уровне по формированию образа власти.

На основе компаративистики архивных и опубликованных документов, научной литературы автор провел классификацию театров, выделив критерии профессионального уровня участников и репертуара театра, их социального происхождения, формы и места театральной постановки, финансирования, зрительской аудитории. Наркомпрос уделял особое внимание агитационно-пропагандистским, хозрасчетным театрам.²³

Развитие театральной политики проходило на фоне столкновения двух театральных концепций – театра классического репертуара (Наркомпрос) и театра массового, народного (Пролеткульт). В дискуссии были затронуты вопросы художественных методов и средств

²² Троцкий Л. Культура и социализм // Троцкий Л. Проблемы культуры. Культура переходного периода. Сочинения. Т. 21. М.-Л., 1927. С. 382.

²³ ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 23. Д. 7. Л. 99 об.

выражения. Диссертант выделил две группы эстетических концепций и моделей театров: классический – К.С. Станиславский, А.Я. Таиров и Е.Р. Вахтангов и революционный – В.Э. Мейерхольд, П.М. Керженцев, А.И. Пиотровский.

Академические театры, сохраняя классическую эстетику и репертуар XIX в., подвергались критике со стороны А.В. Луначарского²⁴, требовавшего постановок с революционной тематикой, политической актуальности, под которой понимался «социальный заказ».²⁵ Театры классического репертуара с их интеллектуальной игрой, отвлеченностью тематики пьес от насущных событий не могли вовлечь массы в активное революционное творчество. Новую эстетику, созданную революцией, многие театральные деятели не воспринимали в силу своей традиционности, видя в ней угрозу и опасность для театра.

В наибольшей степени репрезентативным задачам власти отвечали театры второй группы, т.е. революционные, массовые, народные театры, объединение «Театральный Октябрь». Для них были характерны экспериментаторство, разрушение театрального пространства в постановках, активное включение зрителей в действие, развитие массового и передвижного театров, включение в театральное творчество рабочих и крестьян посредством кружков и клубов.

Особую роль в развитии программы «Театральный Октябрь» сыграли театры Пролеткульта, для которых сцена – политическая трибуна, средство агитации и пропаганды новой власти и революционной борьбы. Реализация программы пролетарского искусства была напрямую связана с массовым действием и праздничной культурой, формирование которой стало одной из задач советской власти в первое десятилетие своего существования. С поэтами-футуристами активно сотрудничали художники (Ю.П. Анненков), сценаристы и режиссеры (С.Э. Радлов, А.Р. Кугель, Н.В. Петров, Н.П. Охлопков), которые оформляли праздники и массовые театральные постановки. По мнению С. Эйзенштейна, спектакли театра Пролеткульта можно было разделить на изобразительно-повествовательный театр и агитационно-аттракционный. После 1921 г. начинается критика театров «Революционного Октября» и Пролеткульта за их авангардный экспериментальный характер постановок, их эстетику.

Альтернативой экспериментальному театру должны были стать рабоче-крестьянские театры. Театр становился одним из основных механизмов отражения в сознании людей единения, слитности и сопричастности с происходящими процессами. Театральная пьеса – вербализованная организация реальности, отраженная в правильно подобранных и произнесенных словах-образах, их визуализации. Театр был

²⁴ РГАЛИ. Ф.645. Оп. 1. Д. 3. Л. 17; ЦГАЛИ. Ф. 30. Оп.1. Д. 14. Л. 61, 85; Д. 15. Л. 5.

²⁵ РГАСПИ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 226. Л. 20, 38; Д. 521. Л. 54; Д. 522. Л. 1.

призван сформировать необходимую модель мира, «оставить портрет нашего времени...».²⁶

При ТЕО Наркомпроса был создан специальный подотдел по рабоче-крестьянскому театру, целью которого стало «всемерное и всестороннее содействие развитию новой театральной культуры, создаваемой творческими силами рабочих и трудовых крестьянских масс, как переходной и социалистической».²⁷ Задачей объявлялось развитие творчества рабочих и крестьян, привлечение их к участию в массовых празднествах, развивать творческую активность масс чувство сопричастности и событийности революционным процессам.

Самодеятельные театры формировались по социальному признаку – армейские, рабочие и крестьянские и существовали как непрофессиональные на принципах самокупаемости. По форме существования народные театры делились на клубные и кружковые, площадные и передвижные. По данным Наркомпроса, в начале 1920-х гг. культурно-просветительские рабоче-крестьянские театры и кружки были зарегистрированы в Пензенской, Пермской, Тверской, Калужской, Тульской, Саратовской и других губерниях.

К концу 1920-х гг. кружки испытывали ряд трудностей. Анкетирование, отчеты и проверки Наркомпроса выявили трудности и проблемы существования низового театра – низкий уровень работы, формальность, плохая материально-техническая база, отсутствие реквизитов и помещений для работы, низкий интерес к кружкам со стороны населения, репертуар народных театров. Пьесы, поставленные театральными кружками, были прямолинейны и с ярко выраженной пропагандистско-агитационной тематикой. Среди недостатков пьес указывались сложность тематики или постановки пьесы, частный характер пьес, яркая политизированность и агитационность.

Отвечая требованиям времени и призывам Наркомпроса, Пролеткульт создавал новый репертуар, символом которого стала «Мистерия – Буфф» В.В. Маяковского и «Зори» Э. Верхарна в постановке В.Э. Мейерхольда, П.М. Керженцева «Среди пламени» и А.И. Пиотровского «Меч мира». Эти пьесы определили специфику нового народного театра, где произведение, взятое в основе постановки, переделывалось в соответствии с революционным моментом, осовременивались. В решение вопроса репертуара А.В. Луначарский был включен не только как нарком, но и как драматург («Королевский брадобрей», «Фауст и город», «Оливер Кромвель» и «Фома Кампанелла»).

С целью решения проблемы революционного репертуара Наркомпросом были проведены мероприятия по созданию в 1918 г. Историко-театральной и репертуарной секций ТЕО, в 1923 г. специального

²⁶ РГАСПИ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 226. Л. 26.

²⁷ ГАРФ. Ф. 628. Оп. 1. Д. 2. Л. 1.

органа ведавшего репертуаром – Главрепеткома и в 1925 г. образованию Союза Революционных драматургов, которые определяли художественный уровень пьесы и ее соответствие времени. Были разработаны критерии социально-политической значимости при допущении пьесы для постановки на театральных сценах, на основе которых выделялись 4 категории (литеры) пьес.³⁰ В результате под запрет попали пьесы А. Аверченко, М. Булгакова, З. Гиппиус, Д. Мережковского, В. Маяковского, И. Бабеля, М. Зощенко.

Практика 1920-х гг. показала, что театральная сфера была наиболее благоприятной, доступной и эффективной по силе воздействия на сознание масс, способствуя выработке канонов и образцов новой жизни, формированию государственной мифологии. Синтетический характер театра способствовал быстрому восприятию доносимых до зрителя идей. Это был один из наиболее удачных механизмов репрезентации, понятных и доступных зрителю. Именно поэтому власть, с одной стороны, активно способствовала распространению низовых театров и творческой активности масс, а с другой – стремилась управлять всеми процессами в театральном деле на уровне как народных, так и классических учреждений культуры, требуя от них соответствия задачам времени в конкретных обстоятельствах.

В четвертой главе «Советская праздничная культура как механизм социокультурной коммуникации» проведен анализ праздничной культуры как интерактивного механизма формирования образа советской власти.

Праздничная культура, выполняя коммуникативные функции, стала уникальным явлением, синтезировав все виды искусств и выведя массовый театр на площади городов. Городское пространство и плакат в соединении с театральным действием в период праздничных торжеств имели высокую степень эмоционального воздействия на сознание общества. Выделяя функции праздника, автор анализирует механизм его воздействия на участников, показывает высокую степень эмоционального влияния.

Праздники ранней советской эпохи можно классифицировать по характеру охвата населения и политической значимости (государственные и местные), по социальному предназначению (пролетарские, крестьянские и красноармейские), по политической направленности (антивоенные, в поддержку мирового пролетариата, революционные).

В советском праздничном календаре, в основе которого лежала идея пролетарской классовой борьбы, наиболее значимыми стали праздники Первомая и Октябрьской революции, ставшие символом рождения нового мира. Стилистика и характер праздников, форма их воплощения (митинги, шествия, манифестации) отвечали политической традиции рабочего класса, но у крестьянского населения вызвали непонимание.³¹ У городских

³⁰ РСФСР. Главный репертуарный комитет. Репертуарный указатель ГРК. [Список разрешенных и запрещенных к исполнению на сцене произведений] / под ред. Н.А. Равича. М., 1929. С. 4.

³¹ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 396. Оп. 1. Д. 1 Л. 21 об.

обывателей новые праздники также не встречали поддержки, воспринимались отстраненно.

Механизм формирования и разработки государственных праздников был выработан в 1919 г. и имел четкую структуру, создавались специальные комиссии. Подготовка велась на всех уровнях, методическую помощь оказывали специально созданные инструкторские отделы. В подготовке к государственным праздникам были задействованы все уровни государственной власти и творческие силы. Приуроченные к праздникам мероприятия по открытию памятников, домов культуры или клубов, выпуск памятных монет и медалей, переименование улиц становились символами нового времени, олицетворяющими стремительность и необратимость перемен, масштабность преобразований.

Масштабность первых двух государственных праздников была огромной как по размаху мероприятий, привлечению творческих сил, так и по времени их проведения. Сценарий в столицах и провинциальных городах был типичным, разница заключалась в выделенных средствах и активности городского населения. Опыт Первомая был перенесен на празднование первой годовщины Октябрьской революции как главного праздника советской власти, в организации и участии в котором была задействована деревня, но в целом крестьяне остались равнодушны к празднику.

Среди причин низкого уровня интереса к советскому празднику в крестьянской среде можно выделить отсутствие культурно-исторической традиции Первомая в деревне, их искусственное создание; отсутствие опыта революционной борьбы крестьянства; влияние гражданской войны и голода, вызывавших недовольство властью; несоответствие стилистики праздника крестьянской культурной традиции.

Кризис сценария и проведения государственного праздника уже обозначился к середине 1920-х гг. В ходе подготовки к 10-й годовщине Октября в праздничной комиссии разгорелась дискуссия о формах проведения праздника, их схематичности, скучности, формальности.³² Члены праздничной комиссии констатировали, что большая часть общества спустя 10 лет после завоевания власти по-прежнему остается как минимум равнодушной к пролетарским праздникам. Доклады не охватывают крестьянство, в театры, кино или клубы ходят 6-8% городского населения, а в деревне еще меньше. Население отстранено от участия в подготовке и проведении праздника, профсоюзы самоустранились от этой работы. Низкий уровень активности крестьян и трудности проведения праздника в деревне были связаны с осенней распутицей или весенними посевными работами. Впервые была озвучена еще одна причина низкой активности общества в проведении пролетарских праздников – религиозные праздники, сила

³² ГАРФ. Ф. 628. Оп. 1. Д. 4. Л. 6; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 163. С. 50, 51; Ф. 357. Оп. 1., Д. 18. Л. 7–7 об., 9, 10–12, 21, 58.

традиции которых была выше, чем пролетарских и сохранялась в конце 1920-х гг.

Параллельно с государственными праздниками с целью проникновения праздничной культуры в быт стали разрабатываться новые формы и методы их проведения. Это были повседневно-бытовые праздники – выходные, спортивные, дни рождения, свадьбы, крестины. Центрами разработки таких праздников стали Пролеткульт, Общество строителей Международного Красного стадиона (ОСМКС) и Дом народного творчества им. В. Поленова. Эти организации имели свои методические отделы, занимавшиеся разработкой, составлением и рассылкой «на места циркуляров, инструктивных писем или печатанием соответствующих статей в журналы...»³³, внедрением праздничной культуры в повседневную жизнь общества.

В начале 1920-х гг. возникает теория массовых действий как театрализованных представлений, народных гуляний со спортивными играми. Новые народные празднества и гуляния должны были отличаться по характеру и содержанию от традиционных народных празднеств. П.М. Керженцев и А.К. Харлампиев считали, что только современные народные празднества должны отвечать задачам дня, учитывать особенности времени и психологии рабочего и крестьянина. Они развивали идею утопистов о радости коллективного праздника, в котором происходит слияние в единую массу разнородного общества.

Вершинами деятельности Пролеткульта и ОСМКС стали театрализованные праздники и массовые рабочие гулянья в городах, когда одновременно могло быть задействовано до несколько тысяч человек участников и зрителей. В Москве местом проведения таких мероприятий были выбраны Воробьевы горы. Самым масштабным и амбициозным проектом ОСМКС явился сценарий Первой всемирной Октябриады, посвященной 10-летию Октября. Из-за сложности технического и финансового воплощения Октябриада осталась только проектом. В качестве основных методов массового действия выделяются лекционный, лабораторный, театральный, экскурсионный, выставки, метод живой газеты, агитсуды. Целью любого из методов было вызвать активную реакцию зрителя. Принципами массового действия были классовость, масштабность, массовость, добровольность, высокая степень эмоциональности воздействия и поглощенности внимания, унификация и стандартизация действий как выражение народного единства.

В массовых постановках репрезентативные образы и сценарии власти были наиболее ярко выражены. В них имитировались те желаемые идеи о будущем, которые власть активно пропагандировала на митингах и в своей законодательной деятельности. Наглядные, образные и эмоциональные

³³ ГАРФ. Ф. 628. Оп. 1. Д. 8. Л. 1.

инсценировки давали представление об идеальном коммунистическом обществе.

В деревне внедрение праздничной культуры шло медленно и сложно. Крестьяне отказывались ходить на демонстрации, игнорировали спектакли, которые устраивали комсомольцы в дни праздников. Низкий уровень культурного и материального обеспечения не способствовал укреплению советских праздников в деревне. Селькоры часто жаловались в письмах в редакции различных газет 1923–1929 гг. на отсутствие культсоветов, библиотек, материалов для оборудования красных уголков, печатной продукции – газет и журналов, ввиду чего деревня продолжала оставаться верующей, темной и необразованной и т.д. Праздники урожая и новая крестьянская обрядовость вызывали негативную реакцию крестьян из-за его формализации и фальсификации, классовой несправедливости (отсутствие премий за урожай зажиточным крестьянам). По этим же причинам был низок интерес и к красным гуляньям, введенным в противовес религиозным пасхальным.

Как и пространственные виды искусства, праздники развивали политическую мифологию, на которую опирался властный сценарий общественного развития России. Сила воздействия праздников заключалась в активном использовании всех рычагов эмоционального влияния на общество. Соединение в едином празднике пространственных видов искусства, вербально-музыкального ряда создавало внешний эффект воздействия на психологию человека. Но при этом праздники достаточно быстро приобретают догматическую застывшую форму, навязанную и активно внедряемую властью, вызывая их неприятие в обществе и низкую степень эффективности работы самого механизма.

В пятой главе – «Механизм персонификации образа власти» – рассматривается механизм трансформации обобщенного и героизированного образа власти в образ вождя В.И.Ленина и влияние этого процесса на формирование основ культа личности.

В первые революционные годы гражданской войны образ власти носил достаточно абстрактный, обобщенный и героизированный характер, что было вызвано условиями военного времени. В начале 1920-х гг. власть ассоциировалась со многими лидерами советского государства. Но уже к 1922 г. непререкаемым авторитетом в сознании рабочих и крестьян стал В.И. Ленин, имя которого связывали с образом власти, с коммунистическим будущим, что способствовало формированию его культа. В короткий срок образ вождя становится набором символов, четко разработанных и регламентированных мероприятий власти.

С целью понимания сущности персонификации образа власти автор обратился и проанализировал историографию проблемы культа личности как на теоретическом, так и на эмпирическом материале применительно к

имени В.И. Ленина. В результате автор пришел к выводу, что процесс ее персонификации был неизбежен.

Исследуя проблему формирования культа вождя в 1920-е гг. автор стремится выяснить причину этого явления. Анализ историографии и источников не дает точного и четкого ответа на поставленный вопрос, но позволяет выявить некоторые позиции.

1. Н. Тумаркин говорит о том, что возникновению культа способствовал сам В.И. Ленин, хотя и не все элементы его возвеличивания нравились вождю, и связывает это с процессом легитимации власти.³⁴

2. Ю. Фельштинский утверждает, что в основе культа В.И. Ленина лежат его амбиции как лидера русского большевизма и III Интернационала.³⁵

3. Формирование культа вождя связано с особенностями архетипа русского национального сознания и сакрализацией революции в ранней советской культуре.

4. Ф. Бурлацкий выделяет три составляющих формирования культа личности: жажда власти, наличие политической воли, способной вести к борьбе, и наличие окружения политика, способного формировать определенный образ вождя или политического лидера.³⁶

Формирование культа вождя стало следствием процесса персонификации образа власти, где важную роль сыграли и проблемы легитимации, и архетипы русского сознания, психологические особенности и черты характера самого В.И. Ленина.

Для русской политико-культурной традиции процесс персонификации власти предполагал «восприятие власти не как политического института, а как конкретной личности», качеством которой придавалось «большее значение, чем законотворчеству, устройству и функционированию госаппарата».³⁷ Культ вождя приобрел особое морально-этическое и эмоционально значимое значение связи власти и общества.

Особенностью легитимации советской власти стала ее идеологическая основа, связанная с формулированием, развитием и поддержанием идей революции, что способствовало существованию в 1917–1920 гг. сразу нескольких вождей, деятельность которых была напрямую связана с революцией, среди которых выделялся Л.Д. Троцкий. М. Горький и А.В. Луначарский ставили В.И. Ленина и Л.Д. Троцкого в один ряд по значимости для партии и революции. Личные качества последнего – высокая степень мобильности, обладание ораторским мастерством, авторитет в Красной армии – способствовали развитию его

³⁴Тумаркин Н. Ленин жив! Культ Ленина в Советской России. СПб., 1997. С. 98.

³⁵Фельштинский Ю. Крушение мировой революции. Брестский мир: Октябрь 1917 – ноябрь 1918. М., 1992. С. 10-11.

³⁶Бурлацкий Ф. Культ личности: как это делается // Культ личности. 1998. № 2.

³⁷Романович Н.К. вопросу о персонификации власти в России // 2009. № 9. С. 13.

культы, проявившегося в присвоении городам и военным кораблям имени Л.Д. Троцкого.

Персонафикация власти была связана с именем В.И. Ленина, тогда как понятие «вождь революции» связывалось с множеством имен. Это расхождение объясняется, с одной стороны, тем, что В.И. Ленин был председателем СНК, и все декреты советской власти выходили за его подписью, с другой стороны, отсутствием у него, несмотря на большую роль в процессе создания партии и захвата власти большевиками, определенного поста в партии.

Другой вопрос, на который необходимо дать ответ: формировал ли В.И. Ленин сам свой культ? С этой целью автор провел анализ воспоминаний современников и соратников В.И. Ленина по партии и революции (А.Иоффе, Н. Валентинов, А.Балабанова), которые в своих воспоминаниях указывают на высокий авторитет В.И. Ленина, его способность влиять на принятие партийных решений.

При изучении проблемы культа вождя встает вопрос об истоках и возможной точке отсчета этого явления. Автор выделяет несколько этапов генезиса культа В.И. Ленина как вождя партии, революции и государства.

1. Период создания партии и эмиграции (1903–1916 гг.), когда В.И. Ленин приобретает высокий авторитет среди профессиональных революционеров благодаря своим личным качествам.

2. Период революции (1917 г.), когда его активная деятельность и постоянные выступления на митингах в газетах делают его известным широким слоям населения. К лету 1917 г. его хорошо знали в солдатской среде благодаря участию в создании газеты «Солдатская правда».

3. Период борьбы за выход из войны и подписания Брест-Литовского договора с Германией (1918 г.). В это время положение В.И. Ленина «в партии упрочилось, тогда как Л.Д. Троцкий начал терять свои лидирующие позиции».

В современной историографии появление культа В.И. Ленина и его известность иногда относят к 1921 г. – восстанию в Кронштадте. Но анализ писем рабочих и крестьян, хранящихся в РГАСПИ и РГАЭ, говорит о том, что обращения к В.И. Ленину как вождю датируются уже 1918 г. в связи с проведением политики «военного коммунизма».

Процесс персонафикации образа власти, в результате которого был запущен механизм формирования культа личности, был связан с покушением на В.И. Ленина 30 августа 1918 г. Итогом этих событий стало формирование первых образов вождя: «провидца» и «апостола мировой революции», принявшего мучения за дело революции. В ходе празднования годовщин Октябрьских событий формировался иконографический обобщенный и канонизированный образ вождя, в котором не было места чертам живого человека. Это свидетельствует о процессе героизации персонафикатора власти как идеала и образца поведения государственного лидера.

В то же время В.И. Ленин как политик способствовал развитию собственного культа. Документы, хранящиеся в отечественных центральных архивах, свидетельствуют о прагматичном подходе Предсовнаркома к вопросам собственной репрезентативности. Активность В.И. Ленина в первые годы на митингах и демонстрациях, участие в открытии памятников, в первом субботнике, его простота и доступность в общении – все это способствовало утверждению персонификации в нем образа власти. Большую роль в распространении и тиражировании репрезентации образа власти и вождя сыграла кинохроника. Автор приходит к выводу о том, что В.И. Ленин достаточно тщательно следил за процессом формирования собственной репрезентации.³⁹

Смерть В.И. Ленина в январе 1924 г. стала точкой отсчета создания посмертного культа в его полном смысле слова, со всеми признаками и атрибутами культа мертвых. Развитие посмертного культа В.И. Ленина происходило в нескольких направлениях и на разных уровнях, отражавших социальные пласты общества. Наибольшую роль в распространении культа сыграла официальная культура, отражавшая репрезентативные задачи власти. Культ вождя, как и сама советская власть, должен был получить поддержку от общества, что проявилось в широком распространении литературы, посвященной вождю, – ленинианы.

В современной историографии лениниана рассматривается с позиций сакрализации и мифологизации исторического процесса, зарождения и становления новой власти, как пример агиографического жанра со всеми присущими признаками – видение, пророчество, рождение, обретение духа и прижизненные подвиги. Уже в плакатах Д. Моора и В. Дени 1919–1920 гг. просматривается мифологизация ленинского портрета, который приобретает черты горьковского Данко.

Мифологизация событий начала революции с ее героикой гражданской войны способствовала формированию героического эпоса 1917 г. Образ В.И. Ленина появляется в произведениях А. Блока (библейский Спаситель в поэме «Двенадцать»), С. Есенина (рулевой в «Письме к женщине»). В народной поэзии В.И. Ленин предстает в образе могучего богатыря Ильи Муромца (эпическая былина «Володимир Ильич») или «самого человеческого человека» – друга и наставника, с чертами простого человека.

В развитии культа В.И. Ленина сыграли роль и созданные повсеместно ленинские уголки – в театрах и кинотеатрах, библиотеках и избах-читальнях, в сельских и заводских клубах, в школах и высших учебных заведениях. Развивать образ вождя и первого теоретика советского государства был призван Институт марксизма-ленинизма.

³⁹ РГАСПИ. Ф. 4. Оп. 2. Д. 415 л. 4–4 об.

В заключении сформулированы итоги исследования, обобщены его результаты.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях автора:

Монографии, главы в коллективных монографиях

1. Шалаева, Н.В. Феномен власти: аспекты восприятия в русской культурной традиции / Н.В. Шалаева // Государство, право, общество: прошлое, настоящее, будущее / под общ.ред. д-ра ист. наук, профессора Н.Б. Барановой.– Пенза: РИО ПГСХА, 2011.– С.4-22 [1 п.л.] ISBN 978-5-94338-517-9

2. Шалаева, Н.В. Формирование репрезентативного образа власти в советской культуре 1917–1920-х гг. / Н.В. Шалаева. –Саратов: Издательство «Саратовский источник», 2012. – 148 с. [9 п.л.] ISBN 978-5-91879-245-2

3. Шалаева, Н.В. Формирование образа советской власти в культурных практиках 1917–1920-х гг. / Н.В. Шалаева. – Саратов: Саратовский источник, 2013. – 240 с. [15 п.л.] ISBN 978-591879-370-1

***В изданиях, рекомендованных ВАК
Министерства образования и науки РФ***

4. Шалаева, Н.В. Проблема отношения к власти в работах Н.Г. Чернышевского/ Н.В. Шалаева // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. – Вып. 14. – М., 2005. –С. 167-181 [15 п.л.] ISBN 5-484-00170-6

5. Шалаева, Н.В. Мифологизация образа власти в советской культуре 1920-х гг. / Н.В. Шалаева // Вестник РУДН. Серия История России. –2008.– № 6.– С. 206-212. [0,5 п.л.] ISSN 0869-8732

6. Шалаева, Н.В. Механизм формирования образа власти в советской культуре 1920-х гг. (к вопросу о культе В. Ленина) / Н.В. Шалаева // Вестник СГСЭУ. – 2009.– № 5. –С. 196-200[0,7 п.л.] ISSN 1994-5094

7. Шалаева, Н.В. Проблемы восприятия власти в отечественной литературе 1917–нач. 1920-х гг. / Н.В. Шалаева // Вестник СГСЭУ. Вып. 4. – 2011. –С. 152-156.[0,7п.л.]ISSN 1994-5094

8. Шалаева, Н.В. Репрезентативные задачи власти и советская печать 1920-х гг. / Н.В. Шалаева // Известия СГУ. Сер.История. Международные отношения. Т.11. Вып. 2. Ч.1. – 2011. – С. 45-52[0,8 п.л.] ISSN 1819-4907

9. Шалаева, Н.В. Социокультурные задачи советской власти и политический плакат периода гражданской войны/ Н.В. Шалаева // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2012.– № 5. Ч. 1. –С. 209-214[0,8 п.л.] ISSN 1997-292X

10. Шалаева, Н.В. Советский государственный праздник как механизм формирования репрезентативного образа власти и

социокультурной коммуникации (1917–1920-е гг.) / Н.В. Шалаева // Власть. – 2013 – №1. – С.132-136[0,7 п.л.]ISSN 2071–5358

11. Шалаева, Н.В. Проблема культа личности В.И. Ленина (историографический анализ) / Н.В. Шалаева // Власть – 2013 –№ 5. – С. 104-108[0,7 п.л.]ISSN 2071–5358

12. Шалаева, Н.В. «Рабочие гулянья» как форма праздничной культуры 1920-х гг./ Н.В. Шалаева // Власть. – 2013.– № 8.– С. 152-156[0,7 п.л.]ISSN 2071–5358

13. Шалаева, Н. В. Становление советской праздничной культуры и особенности ее восприятия в общественном сознании 1917–1920-х гг. / Н.В. Шалаева // Известия СГУ. Серия История. Международные отношения. Т.13. Вып. 4. – Саратов,2013. – С. 42-46 [0,8 п.л.] ISSN 1819–4907

14. Шалаева, Н.В. Формирование образа советской власти (1917–1920-е гг.): теоретический аспект изучения / Н.В. Шалаева // Теория и практика общественного развития. – 2013. – № 12.– С.35-40 [0,9 п.л.]ISSN 1815–4964 (print) ISSN 2072–7623 (online)

15. Шалаева, Н.В. Персонификации образа власти в советской политической культуре 1920-х гг. / Н.В. Шалаева // Власть – 2014 – № 2. – С. 144-148 [0,7 п.л.] ISSN 2071–5358

16. Шалаева, Н.В. Советская власть и культура: формирование народного революционного театра в 1917–1920-е гг./ Н.В. Шалаева // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. – № 1. Ч. 2. –С.202-206[0,8п.л.]ISSN 1997–292X

17. Шалаева, Н.В. Репрезентация образа советской власти в массовом сознании общества. 1917–1920-е гг. (источниковедческий анализ) / Н.В. Шалаева // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота,2014. – № 2. Ч. 1. – С. 207-211 [0,8 п.л.] ISSN 1997–292X

18. Шалаева, Н.В. Становление плана монументальной пропаганды. 1917-1918 гг. / Н.В. Шалаева // Вестник Челябинского университета.–2014. – № 8. История (вып. 59).–С. 18-24 [0,8 п.л.] ISSN 1994–2796

19. Шалаева, Н.В. План монументальной пропаганды: проблемы реализации. 1918–1921 гг. / Н.В. Шалаева // Вестник Челябинского университета. – 2014. – № 8. История (вып. 59). – С. 30-34 [0,8 п.л.] ISSN 1994–279

В материалах международных и российских конференций

20. Шалаева, Н.В. Социокультурный раскол российского общества в начале XX в. / Н.В. Шалаева // Философия. Культура и современность.– Саратов: Научная книга, 2003. – С. 155-162 [0,45 п.л.] ISBN 5–93888–318–0

21. Шалаева, Н.В. Образы государственной власти в русской культуре первой трети XX века (к постановке проблемы) / Н.В. Шалаева // Пространство и время в восприятии человека: историко-психологический аспект: материалы XIVМеждунар. науч.конф.– СПб.: Нестор, 2003. – С. 329-337 [0,5 п.л.]

22. Шалаева, Н.В. Русская культурная традиция и вопросы отношения к власти / Н.В. Шалаева // Социальное и общественно-политическое развитие России: история, теория, практика. Вып. 1. – Саратов: Научная книга, 2004. – С. 50-56[0,45 п.л.] ISBN5–93888590–6

23. Шалаева, Н.В. Проблема власти и ценностный мир человека в период революционных процессов в России (1917г.) / Н.В. Шалаева // Политические и социокультурные аспекты современного гуманитарного знания. Вып.1. – СаратовСаратовский источник, 2004. С. 23-29[0,45 п.л.] ISBN 5–949–42-014–3

24. Шалаева, Н.В. Проблема социального конфликта в русской культуре начала XX века / Н.В. Шалаева // Социальные конфликты в истории России: материалы Всерос. науч.конф.– Омск: ОмГПУ, 2004. – С. 302-309 [0,45 п.л.] ISBN 5–8268–0957–4

25. Шалаева, Н.В. Власть и трансформация ценностных ориентиров в России (1917–1920-е гг.) / Н.В. Шалаева // Динамика нравственных приоритетов человека в процессе его эволюции: материалы XIXМеждунар. науч. конф.– СПб.: Нестор, 2006. – С. 75-80[0,45 п.л.] ISBN5–303–00248–9

26. Шалаева, Н.В. Формирование образа власти в общественном сознании 1920-х гг. / Н.В. Шалаева // XXвек в истории России: актуальные проблемы: материалы IIМеждунар. науч.-практ.конф.– Пенза: РИО ПГСХА, 2006. – С. 75-79[0,4 п.л.] ISBN 5–94338–197–X

27. Шалаева, Н.В. Формирование образа власти в массовом сознании советского общества в 1920-е гг. / Н.В. Шалаева // Человек. История. Культура: исторический и философский альманах. Вып. 5. – Саратов: Изд-во Поволж. акад. гос. службы, 2006. – С. 113-121[0,7 п.л.] ISBN 5–8180–0235–7

28. Шалаева, Н.В. Механизм персонификации образа власти в общественном сознании в 1920-е гг. / Н.В. Шалаева // Власть. Общество. Личность: сб. статей Всерос. науч.-практ. конф.– Пенза: РИО ПГСХА, 2006. С. – 146-149[0,4 п.л.] ISBN5–94338–219–4

29. Шалаева, Н.В. Художественная культура 1920-х гг.: формирование советской идентичности / Н.В. Шалаева // Общество и политика в исторической ретроспективе. Вып. 3. – Саратов: Изд-во СГСЭУ, 2007. – С.104-111[0,5 п.л.] ISBN 978–5-87309–704–3

30. Шалаева, Н.В. Советское искусство как механизм формирования новой идентичности / Н.В. Шалаева // Проблема идентичности в современном мире. – Саратов: Изд-во СГУ, 2007. – С. 102-107 [0,4 п.л.] ISBN978–5–292–03753–8

31. Шалаева, Н.В. Образ власти как предмет научного исследования (анализ источников) / Н.В. Шалаева // Общество и политика в исторической ретроспективе. Вып. 4. – Саратов: Изд-во СГСЭУ, 2007. – С.16-23[0,5 п.л.] ISBN978–5–87309–722–7

32. Шалаева, Н.В. Образ власти в советской культуре 1920-х гг. как отражение политического мифа / Н.В. Шалаева // Современное гуманитарное знание: проблемы методологии и историографии.– Саратов: ИЦ «Наука», 2007. – С. 110-114[0,25 п.л.] ISBN 978–5–91272–369–8

34. Шалаева, Н.В. Формирование социокультурного пространства в советском обществе 1920-х гг. / Н.В. Шалаева // Поволжский регион. Проблемы, поиски, решения.– Саратов: Изд-во СГСЭУ, 2008. – С. 26-31[0,4 п.л.] ISBN 978–5–87309–751–7

35. Шалаева, Н.В. Власть и интеллигенция: проблемы взаимоотношений в первые годы Советской власти / Н.В. Шалаева // Вавиловские чтения: материалы Междунар. науч.-практ.конф. – Ч.1. – Саратов: ИЦ «Наука», 2008. – С. 378-380[0,4 п.л.] ISBN978–5–91272–630–9

36. Шалаева, Н.В. Политический плакат 1920-х гг. как источник формирования образа «власть–миф» / Н.В. Шалаева // Актуальные проблемы современного гуманитарного знания. – Ч.2. – Саратов: ИЦ Наука, 2008. – С. 109-113[0,2 п.л.]ISBN 978–5–91272–721–4

37. Шалаева, Н.В. Власть-культура-школа: формирование нового идеала в 1920-е гг. / Н.В. Шалаева // Государство и развитие образования в России XVIII-XX вв.: политика, институты, личности: материалы XIIIВсерос. науч.-практ.конф.– М.: Изд-во РУДН, 2009. – С. 323-330[0,45 п.л.]ISBN 978–5–209–03387–5

38. Шалаева, Н.В. Становление советской агиографии (К вопросу формирования культа В.И. Ленина) / Н.В. Шалаева // Общество и политика в исторической ретроспективе. Вып.5. – Саратов: Изд-во СГСЭУ, 2009. –С. 99-102[0,25 п.л.]ISBN 978–5–87309–898–9

39. Шалаева, Н.В. Русская интеллигенция в эмиграции: размышления о себе, о времени и власти / Н.В. Шалаева // Сотрудничество и связи России и СССР с народами зарубежных стран XX вв.: материалы XIVВсерос. науч.-практ. конф. – М.: Изд-во РУДН, 2010. – С. 455-463 [0,5 п.л.] ISBN 978–5–209–03817–7

40. Шалаева, Н.В. Власть и культура: поиск новых подходов изучения проблемы / Н.В. Шалаева // Кубанские исторические чтения: Межвуз. науч.-практ.конф.– Краснодар: Изд-во ЦНТИ, 2010. – С. 152-156 [0,4 п.л.] ISBN 978–5–91221–060–0

41. Шалаева, Н.В. Власть как социокультурный феномен в работах С. Франка / Н.В. Шалаева // Общество и политика в исторической ретроспективе. Вып. 5. – Саратов: Изд-во СГСЭУ, 2010. – С. 103-107[0,25 п.л.]ISBN978–5–87309–937–5

42. Шалаева, Н.В. Политико-идеологические задачи советской власти в области культуры в первое десятилетие советской власти / Н.В. Шалаева // Актуальные проблемы современного гуманитарного знания: материалы межвуз. Рос.семинара. Вып. 4. –Саратов: Саратовский источник, 2010. – С. 156-162[0,45 п.л.] ISBN978–5–91879–051–9

43. Шалаева, Н.В. Власть и советская культура в 1920-е гг.: проблема национального и интернационального / Н.В. Шалаева // История народов России: материалы XVВсерос. науч.-практ.конф.– М.: РУДН. 2011. – С. 406-411 [0,4 п.л.] ISBN 978–5–209–03617–3

44. Шалаева, Н.В. Власть и культура в 1917–1920-е гг. (проблемы методологии) / Н.В. Шалаева // Кубанские исторические чтения: IIМежвуз. науч.-практ.конф.– Краснодар:Изд-во ЦЕТИ, 2011.– С. 31-38 [0,45 п.л.] ISBN978–5–91221–092–1

45. Шалаева, Н.В. Проблема «Власть и культура» в современной историографии / Н.В. Шалаева // Социокультурные аспекты взаимодействия личности и общества в современном мире. Вып. 8. – Саратов: Техно-Декор, 2012. – С. 31-38[0,45 п.л.]. ISBN978–5–904832–19–6

46. Шалаева, Н.В. Культурные преобразования в 1917– начале 1920-х гг.и проблема репрезентативности советской власти / Н.В. Шалаева // Кубанские исторические чтения: Межвуз. науч.-практ.конф.– Краснодар: Изд-во ЦЕТИ, 2012.– С. 223-230 [0,45 п.л.]. ISBN 978–5–91221–124–9

47. Шалаева, Н.В. Восприятие образа советской власти в массовом сознании крестьянства (1917–1920-е гг.) / Н.В. Шалаева // Актуальные проблемы современного гуманитарного знания. Вып. 6. – Саратов: Саратовский источник, 2012.– С. 312-316 [0,4 п.л.]. ISBN 978–5–91879–234–6

48. Шалаева, Н.В. Советская праздничная культура и ее отражение в крестьянском сознании. 1917–1920-е гг. / Н.В. Шалаева // Государственная власть и крестьянство в XIX– начале XXI века / отв. ред. А.И. Шевельков. – Коломна: Моск.гос. обл.соц.-гуманит. ин-т, 2013. – С. 312-316 [0,4 п.л.]. ISBN 978–5–98492–178–3

ШАЛАЕВА Надежда Владимировна

ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗА СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В РОССИЙСКОМ
ОБЩЕСТВЕ В 1917–1920-е гг.: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ

Автореферат

Подписано в печать 15.10.14

Формат 60×84 1/16

Бум.офсет.

Усл. печ. л. 2,5

Уч.-изд. л. 2,0

Тираж 100 экз.

Заказ

Бесплатно

Саратовский государственный технический университет

410054, Саратов, Политехническая ул., 77

Отпечатано в Издательстве СГТУ. 410054, Саратов, Политехническая ул., 77

Тел.: 24-95-70; 99-87-39, e-mail: izdat@sstu.ru